

И животноводство!..

С трибуны неслось:

— ...и в такие дни, как наши, когда каждый из нас должен отдать все свои силы на развитие конкретных лингвистических исследований, на развитие и углубление наших связей со смежными областями науки, в такие дни особенно важно для нас укреплять и повышать трудовую дисциплину всех и каждого, морально-нравственный уровень каждого и всех, духовную чистоту, личную честность...

— И животноводство! — вскричал вдруг требовательно Петенька Скоробогатов, вскинув вперед и вверх вытянутую руку с указательным пальцем.

А. и Б. Стругацкие. Хромая судьба

Слова у нас — вплоть до важного самого — внезапно оказываются под неожиданными угрозами. Пришла пора озаботиться судьбой величественнейшего во времена недалекого прошлого слова — «Мясо». Вдруг над его будущим нависла нечаянная угроза? А ведь как хорошо мечталось! Вот как было в мире Полдня — «Возвращении» Аркадия и Бориса Стругацких (1962):

«...с гулом и непрерывным шуршанием, хрустя, чавкая и пережевывая, с душевнораздирающими вздохами проходило организованное стадо живого мяса. Время от времени какая-нибудь буренка вскидывала из травы огромную слюнявую морду, измазанную зеленью, и испускала глухой глубокий рев.

Затем Поль увидел киберов. Они шли на некотором расстоянии вслед за шеренгой, юркие плоские машины на широких мягких гусеницах. Они то и дело останавливались, копались в земле, отставали и забегали вперед. Их было немного, всего десятка полтора, и они со страшной скоростью носились вдоль шеренги, веером выбрасывая из-под гусениц влажные черные комья».

Киберы работали не зря. Проблема питания перестала существовать, как не существовала проблема дыхания.

«...ему давали на дегустацию мясо, которое не требовало специй, мясо, которое не нужно было солить, мясо, которое таяло во рту, как мороженое, спецмясо для космонавтов и ядерных техников, спецмясо для будущих матерей и даже мясо, которое можно было есть сырым».

Братья, как и во многих других вопросах, оказались прозорливыми, но чрезмерными оптимистами. О проблемах дыхания в XXI веке могут рассказать китайские горожане, проблема питания все еще стоит перед значительной частью человечества.

Фантастическое животноводство редко оказывалось в центре внимания фантастов, даже ближнего прицела. Возможно, их отвращало то же самое соображение, что смущало героя рассказа Антона Павловича Чехова «Печенег» (1897). Мясоедческое будущее или вегетарианское — но вот свиньи... Как быть со свиньями? Да ну их совсем! И животноводство с ними...

Но если уж фантасты брались за дело, результат бывал интересный.

Вот, к примеру, Роберт Шекли в «Рейсе молочного фургона» (1954) расширил рамки межпланетного скотоводства. Квилы, обитатели планеты Тенсис V, это «*Queelis Tropicalis* — мелкие тонкорунные млекопитающие, находятся в отдаленном родстве с овцами Земли». И шерсть их, стремительно отрастающая, способна доставить немало неприятностей, поскольку обладает еще и свойствами тончайшей и прочнейшей проволоки. А оказавшиеся в компании с квилами фиргели — лучшие в Галактике кондиционеры воздуха, замечательное подспорье землянам в терраформировании жарких планет.

Впрочем, не только земляне способны преобразовывать планеты для себя. Планеты могут платить землянам тем же. И здесь эксперты по использованию инопланетных видов в сельском хозяйстве могут наткнуться на неожиданности. В повести Клиффорда Саймака «Упасть замертво» (1956) корабль разведчиков опускается на идиллическую планету-пастбище. Равнины, поросшие травой, по которым бродят стада животных, способных дать человеку что душе угодно. «Мы имеем в распоряжении ходячее меню. Куставры дают молоко, несут яйца, собирают мед. Их туши состоят из шести сортов мяса животных, двух сортов птичьего, рыбного филе и еще какой-то съедобной массы, но что она такое, мы определить не смогли», — заявляет один из исследователей. «Ходячее мясо, косяки рыбы, птицефабрика, молочное хозяйство, сад, огород — все это скомпоновано в теле одного животного — полнокровная ферма!» По всем признакам, биосфера планеты только и жаждет разнообразно кормить и ублажать пришельцев. Вот только не очень долго. И они, и их подопытные животные скоро сами становятся куставрами. Чтобы ожидать новых пришельцев, как мы понимаем.

Инопланетная живность, достойная применения в сельском хозяйстве, варьируется от всем известных склиссов из повести Кира Булычева «Путешествие Алисы» (1974) до мехов с планеты Зигра из повести Джона Браннера «Ваша собственная планета» (1966). На первый взгляд в склиссе нет ничего особенного — подумаешь, корова с крыльями! «Зато склиссы могут перебираться через глубокие реки, если

ХИМИКИ И ЛИРИКИ

пастбище на другом берегу», — глубокомысленно замечает папа Алисы. Как тут не вспомнить классика, радовавшегося, что коровы не летают. Но вот мех с Зигры — совсем другое дело. Идеальная одежда для женщины, этот организм, больше всего отвечающий в биологии земным мхам, способен изменять цвета и текстуру, да еще и выделять умопомрачительные запахи, соответствующие своим узорам. Правда, и цена у него соответствующая. Зато вряд ли к его хозяйке придерутся экоэкстремисты, мех — это сам организм и есть, никто его не убивал.

Стремление приобщиться к освоению степных просторов с помощью скотоводства было не чуждо и другому классику отечественной научной фантастики — Ивану Антоновичу Ефремову. Путешествуя по Западной Сибири, к тому времени превратившейся из страны тайги и болот в степь, Дар Ветер и Веда Конг из «Туманности Андромеды» (1957) натываются на «стадо черно-белого скота — потомков животных, выведенных путем скрещивания яков, коров и буйволов». Маленькая коррида с тамошним быком кончается в пользу пришельцев, и они могут наблюдать с башни скотоводов, как «зелеными концентрическими кольцами лежали в степи дойные лабиринты, через которые два раза в сутки прогоняли молочные стада. Молоко, не скисавшее, как у африканских антилоп, сливалось и замораживалось тут же, в подземных холодильниках, и могло храниться очень долго».

Животноводство не обязано ограничиваться просторами суши. Как-никак, а она занимает всего лишь около трети поверхности планеты. Издавна океаны приносили добычу не только рыболовам, но и охотникам. Жители СССР начала 60-х годов прошлого века наверняка вспомнят консервы «Азу из китового мяса с овощами», продукт не слишком большого спроса, несмотря на дешевизну.

Братья Стругацкие в одном из рассказов «полуденного» цикла (потом, впрочем, исключенного из канона) «Моби Дик» (1962) показывают будни китовых пастухов, чей враг — кашалот, громадный самец в двадцать метров длиной, в сто тонн весом, грузный и грациозный. С тупой мордой, похожей на обрубок баобаба бревна, твердой и жесткой снизу и мягкой, расплывчатой сверху, где под толстой черной шкурой разлиты драгоценные пуды сперматозоидов. Взгляд хоть и утилитарный, но верный.

А вот еще один классик фантастики, Артур Чарльз Кларк, посвятивший скотоводам моря целый роман — «Большая глубина» (1954—1957). Его герои обеспечивают китовым мясом и жиром 12 процентов пищевых потребностей человечества, с амбициозной

целью — довести этот процент до 15. При этом они соревнуются с планктонниками — добычками пищевого белка непосредственно из морской мелочи. В основе всего этого — не китобой, а китобойни:

«Фотоэлектрические глаза уже прощупали могучую тушу и сообщили все данные счетной машине, которая управляла операцией. Этот секрет был всем известен, и все же нельзя было без содрогания смотреть, с какой точностью ножи и пилы раздвигают свои суставы, делают в нужных местах надрезы и снова прячутся. Громадные пальцы захватывали футовый слой жира и сдирали его, как снимают кожуру с банана, а голая окровавленная туша скользила дальше.

Конвейер двигался со скоростью шагающего человека, и кит был расчленен на части на глазах у зрителей. Куски мяса величиной со слона уходили вниз по боковым слипам; в облаке костной пыли вгрызались в ребра циркулярные пилы; оттаскивались в сторону набитые тоннами рачков и планктона сообщающиеся мешки внутренностей.

Меньше двух минут понадобилось, чтобы превратить владыку морей в кровавые куски, которые опознал бы только специалист. И кости не пропали: в конце конвейера распиленный скелет упал в яму для размораживания на удобрение».

Немного поправить терминологию — и описывается работа крупной китобойной базы. Однако защиты требуют не только киты. В последнее время все чаще раздаются голоса, что неплохо бы людям поумерить свою кровожадность, сократить потребление мяса, — и ликвидировать с этим соответствующее количество скота, уж больно много от него углекислого газа и метана, объявленных виновниками глобального потепления.

С резкими и глобальными поворотами надо быть осторожным — помните трагедию СССР позднесоветских времен, когда только попытка ликвидации приусадебных хозяйств заставила затянуть пояс и город, и деревню? Если же встать на конспирологическую точку зрения, то наша цивилизация сама подталкивает человечество к краю пропасти. За которой — решение «парадокса Ферми». Не в нашу пользу.

Впрочем, не будем забывать, что при всех обстоятельствах нам останется оленеводство. Пусть только в виде оленей из упряжки Санта-Клауса.

**Владимир Борисов,
Александр Лукашин**